ТОЛЬКО
МЕЖДУ НАМИ
АЛАЙНА САЛАХ

Алайна Салах
Только между нами
Серия «Скандал»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68708448

Аннотация

– Ром, что это было? – цежу я в трубку, дрожа от негодования. – Это с ним мне проекты обсуждать? Ты решил надо мной поиздеваться?

Надтреснутый смех мужа заставляет кровь прилить к лицу.

– Ты чего кипишишь? Пацан вундеркинд. В цифрах и прогнозах шарит лучше любого опытного экономиста. Сам бы не поверил, если бы не убедился. Не знаю, какой процессор встроен ему в башку, но пока она работает так как сейчас и приносит мне такие деньги, он меня устраивает.

– Сколько ему лет, ради Бога?

– Двадцать два или двадцать три. Даже университет не закончил, представляешь? – судя по веселости тона, мужа явно забавляет собственная авантюра. – Если уж я глаза на его возраст закрыл, тебе точно придется. Все, иди работай. А если что-то не устраивает, поезжай домой и стань наконец примерной женой.

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	21
5	26
6	34
7	39
8	45
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алайна Салах
Только между нами

* * *

1

– Шампанское такое вкусное. Я обычно его не люблю, но это классное. На «Мартини Асти» похоже, но вроде не оно, – без умолку тарахтит моя соседка по столу.

Её плечо то и дело трётся о моё, становясь надоедливым, так же как и тяжёлый запах её духов. Лицом и фигурой Аня больше тянет на подростка, а её голос настолько тонкий и звонкий, что диссонанс с удушливым парфюмом становится ещё более раздражающим. Я далеко не эксперт в моде и красоте, скорее люблю гармонию в людях. Так вот, в Ане её совсем нет.

– Ты надолго думаешь у нас задержаться? – не успокаивается она, хлопая своими огромными кукольными глазами. – В офисе все тебя очень хвалят.

– У меня контракт на год, а там посмотрим. – Желая уйти, я ощупываю карманы в поисках зажигалки. – Ты не знаешь, где тут можно покурить?

Взгляд Ани загорается новым интересом, будто речь идёт не о пагубной привычке, а о пятидесятиметровой яхте, которой я владею.

– Ты разве куришь?

– А что тебя удивляет? – рассеянно уточняю, выбивая сигарету из пачки. Я, как и все, не без греха: пью, курю и системно трахаюсь.

– Не знаю… Просто никогда бы не думала…

Заложив сигарету за ухо, я начинаю оглядывать зал, чтобы разыскать балкон, террасу или любое другое место, где смог бы отвлечься от назойливой трескотни соседки и в особенности – от света огромных люстр, свисающих с потолка этого пафосного заведения. Я впервые попал на корпоратив, да ещё и такого масштаба. Что могу сказать? Здесь невероятно скучно. Хотя вся еда, которую приносят на огромных фарфоровых тарелках размером с небольшую галактику, впечатляет.

Найдя глазами дверь, вполне похожую на выход к террасе, я собираюсь встать, но тут меня отвлекает ярко-красный всполох, метнувшийся слева. Пригвождаю задницу к стулу и смотрю. Тонкая белая рука, узкое запястье без часов и браслета, на безымянном пальце сияет бисерина кольца. Светлые локоны, длинная тонкая шея, заострённый нос и большие прозрачные глаза. Крутит головой по сторонам, рассыпаясь в вежливых улыбках. Красивая. Я бы даже сказал: охрененно хороша.

– Жена нашего генерального пришла, – тонкий голос Ани ввинчивается в ухо назойливым сверлом. – Значит, сейчас он будет произносить речь.

Ах, ну да, у неё же кольцо на безымянном пальце, а это вроде как брачное клеймо. Я вглядываюсь с новым интересом. Есть у меня такое дурацкое хобби – рассматривать людей. К тому же, за всеми этими улыбками я не успел уви-

деть её губы. Красный всполох находится через целый стол от меня, но откуда-то есть уверенность, что с духами она не налажала.

Голова Родинского, с зализанными назад тёмными волосами, сейчас как никогда меня раздражает. Мешает. Наклонившись, он что-то говорит *ей*, затем дешёвым порнографическим жестом обхватывает двумя пальцами острый подбородок и со смачной демонстративностью присасывается к её губам. Кстати, Родинский в моём понимании абсолютно гармоничен. Мудак от кончиков напидоренных туфель до бесцветной радужки холодных рыбьих глаз.

Едва его длинная туша, насосавшись, вновь заваливается на спинку стула, её тонкие пальцы бросаются к фужеру с шампанским. Отличный у неё рот. Не тонкий, но и не пухлый. Это хорошо, потому что в противном случае потерялись бы глаза. Слишком красивые всегда будут конкурировать друг с другом, и исчезнет гармония.

Она возвращает бокал на стол и быстро обводит глазами зал, явно ища знакомые лица. Однако остановиться предпочитает на незнакомом. На моём. Такое случается – ведь я пристально на неё смотрю. Внедрение чужой энергетики и прочая хрень.

Тёмная пиджачная масса рядом с ней поднимается – как моя соседка и предупреждала, Родинский решил начать говорить.

Я салютую *ей* бокалом, не видя необходимости отводить

взгляд. Мне нравится на неё смотреть, а я слишком невоспитан, чтобы подавлять свои желания.

«Приве-е-е-ет», – выговариваю беззвучно и в ответ получаю полный снисходительности взгляд. Красный всполох, скривив свои идеальной толщины губы, отворачивается к густо накрашенной соседке. Усмешка самовольно растягивает рот. Я закладываю в него сигарету и встаю. Посмотрела на меня как на ничтожного муравья, сучка. Но это даже и неплохо. Сучкой ей быть идёт.

2

Стелла

– Ром, я отойду ненадолго. – Пробегаюсь пальцами по запястью мужа и, улыбнувшись Инге из бухгалтерии, поднимаюсь.

Тонкий «Вог» надёжно зажат у меня в ладони. Может быть, хотя бы выкуренная сигарета поможет от головной боли, потому что таблетка обезболивающего со своей миссией не справилась. Боже, с каким бы удовольствием я провела эту пару часов в ванной, вдали от бряцанья вилок и жужжания разговоров. Но для Ромы день рождения компании важнее его собственного. Да и моего тоже.

– Только же пришла, – недовольно вонзается мне между лопатками.

Я не оборачиваюсь и продолжаю идти, попутно приветствуя знакомые лица. Рома обожает всё держать под контролем, включая количество моих походов в туалет. Я почти с этим смирилась, хотя первое время готова была с себя заживо кожу содрать. По часу распиналась об обоюдном уважении и границах, пока не поняла: без толку. У большинства людей имеется клавиша переключения с рабочего режима на

личный, а у моего мужа её нет. Вернее, она есть, но пользоваться ей он не считает нужным. Так что счёт у нас с ним равный. Он пытается мной управлять как одним из своих подчинённых, а я его попытки вежливо игнорирую.

Так, где здесь балкон? Кажется, справа. Пару раз мы с Ромой ужинали на террасе. Бокал вина здесь стоит как целая бутылка.

Я надавливаю ладонями на дверь, предвкушая сладостный глоток свежего воздуха и тишину, переступаю порог и моментально ощущаю разочарование. Я здесь не одна. Возле перил темнеет мужская фигура, окутанная белёсым смогом сигаретного дыма. Чёрт. Ну не уходить же теперь?

– Не возражаете, если рядом постою? – спрашиваю из вежливости, пока вышагиваю к намеченной цели – правому краю перил.

Фигура неспешно поворачивается, и я узнаю парня из-за соседнего стола. Тот, что бесцеремонно пилил меня глазами. Милое совпадение. Стоя, он выглядит выше, чем представлялся.

– Совсем не возражаю, – задумчиво изрекает он, оглядывая меня с ног до головы. – Буду даже рад.

Поддерживать с ним беседу не входит в мои планы, поэтому, заняв выбранное место, я сразу же отворачиваюсь. Курить я бросила лет десять назад, но иногда, по особому случаю, позволяю себе одну сигарету. Сейчас как раз тот самый случай: я мечтаю очутиться дома и мне дико скучно.

Раз за разом щёлкаю колесиком зажигалки, но кроме бесполезных зазубренных искорок, из неё ничего не вылетает. Ну что за хрень? Она ведь совсем новая. Не без раздражения чувствую на себе внимание соседа, который сейчас наверняка великодушно подойдёт с предложением помощи, и от этого начинаю злиться ещё больше. Чтобы помочь мне прикурить, ему придётся встать совсем близко, а я этого не хочу. Сигарета – мой ритуал одиночества.

– Чёрт, – шёпотом ругаюсь я, когда «Вог», неловко задетый кончиком зажигалки, выпадает из моего рта. Прокатившись по отшлифованным деревянным доскам, заваливается в узкий паз между ними и замирает, издевательски мерцая иссиня-белым. От расстройства я прикрываю глаза. Это моя единственная сигарета.

– Можно было просто попросить помочь тебе прикурить, – слышится тягучий голос моего соседа совсем близко. Примерно в метре от меня.

Глубоко вздохнув, я оборачиваюсь. Чего уж теперь? Ритуал расслабления всё равно безнадёжно испорчен.

Выгоревшая прядь волос, нависающая над карими глазами, крупный, чётко очерченный рот, гладкая, будто лаковая кожа. Я почти близка к тому, чтобы завистливо вздохнуть. Такая кожа бывает только у двадцатилетних, и то не у всех. Только у тех, кому повезло с генетикой.

От парня не пахнет туалетной водой – это меня удивляет. Я привыкла, что каждый, кто имеет хоть какое-то отно-

шение к Роману, благоухает, как дорогая парфюмированная фабрика, а потому просто не могу этого не отметить. Второе открытие – и оно неприятное – расстояние между нами гораздо меньше метра. Ещё какой-то полушаг, и случится вторжение в зону поцелуев.

– Как видишь, сейчас это не имеет смысла, – киваю я себе под ноги, туда, где валяется тонкий «Вог». – Давай я лучше попрошу у тебя сигарету.

– Увы, у меня последняя.

Я смотрю, как сложенные галочкой пальцы поднимаются к его рту и как округлый кончик сигареты с шипением покрывается магмой. Парень глубоко и с наслаждением затягивается, отворачивает голову в сторону и выдыхает. Струя дыма щекочет моё плечо, покрывая его мурашками. Лучше отступить, потому что платье провоняет, и Рома будет полвечера ворчать.

– Держи. – Карие глаза ловят мой взгляд, а пальцы, сложенные галочкой, вдруг оказываются близко к моему лицу.

Непонимающе смотрю на точку фильтра, направленную к моим губам, и снова удивляюсь: он что, серьёзно?

Парень следит за мной с интересом и руку не убирает. Будто играет в свой личный тотализатор. Хочет, чтобы я курила из его рук, как пьяная малолетка?

Он вопросительно поднимает бровь, ободряюще дёргает уголком рта, будто спрашивая: ну и что, струсишь? И тогда я делаю то, чего сама не ожидаю: подаюсь вперёд и сжимаю

фильтр губами. Если уж я всё равно пропахла сигаретным дымом и придётся выслушать ворчание Ромы, то пусть это, по крайней мере, будет не впустую.

Рот наполняет незнакомый вкус: густой, терпкий, непривычно горький. Сигарета куда крепче, чем я привыкла. Никотиновый туман за секунду обволакивает лёгкие и ударяет расслаблением прямиком по мозгам.

– А ты рисковая, – с явным удовольствием отмечает парень.

Отшагнув, выпускаю в воздух рваную струйку дыма. Кажется, боль в висках отпустила. Это ли не чудо?

– Я совсем не рисковая. – Запрокинув голову, смотрю в усыпанное серебристыми точками небо. Красивый, оказывается, сегодня вечер. – Просто ты выглядишь безопасным.

– Вот как? Безопасным как человек без инфекций или безопасным как мужчина?

– И то и то.

– Звучит почти как оскорбление, – серьёзно заявляет мой собеседник, но его глаза при этом откровенно надо мной насмехаются.

Неожиданно это злит. Для парня его возраста и женщины моего положения он ведёт себя вызывающе панибратски. Я совсем не высокомерная стерва, делящая людей на классы, нет… Но, чёрт, если он здесь, значит работает на моего мужа. Ему бы стоило проявить побольше уважения.

– Мой младший брат лет на пять тебя старше, не говоря

уже обо мне, – с нарочитой холодностью произношу я, присовокупляя к ней снисходительную улыбку. – Конечно, ты абсолютно для меня безопасен.

– Сколько тебе? – Он снова подносит сигарету к губам.

– А сколько ты думаешь?

– Тридцать четыре-тридцать пять, – отвечает не задумываясь.

Не то чтобы я стыжусь своего возраста, но такой ответ приводит меня в лёгкое замешательство. В подобных угадайках мне всегда давали не больше тридцати и уж точно не накидывали лишний год.

– Угадал?

– Мне тридцать четыре, – говорю, глядя ему в глаза.

– Значит, угадал. Я забыл представиться. Матвей.

На это мне хочется ответить что-нибудь дерзкое, вроде того, что его имя меня не интересует. Вот смешно, да? Я старше его лет на десять, а вести себя как инфантильной малолетке хочется именно мне.

– Стелла. Спасибо за затяжку, но мне пора идти.

– И даже не попробуешь сравнять счёт и угадать, сколько лет мне?

Сейчас я могу позволить себе улыбнуться со всей искренностью, потому что впервые чувствую своё превосходство над этим зарвавшимся парнем. Он думал, что заинтересовал меня настолько, что я непременно захочу с ним поиграть? Если так, то пусть послушает.

– Мне этого не нужно. Без диплома об окончании магистратуры в компанию моего мужа тебя бы всё равно не взяли, значит, тебе есть двадцать четыре. Средний возраст сотрудников компании – тридцать лет, потому что Роман не берёт людей без опыта. Тридцати тебе точно нет, значит, ты сын кого-то из его влиятельных друзей, бесцельно просиживающий свои дорогущие брюки в офисе в обмен на какую-нибудь услугу.

Не дожидаясь ответной реакции на своё наблюдение, я поворачиваюсь к двери. На ходу разглаживаю платье, чтобы стряхнуть с него никотиновый запах. Голова полностью прошла, в теле появилась кипящая бодрость. Оказывается, ещё есть шанс неплохо провести вечер.

– Счёт остаётся один – ноль, Стелла, – догоняет меня хрипловатый раскатистый смех. – Потому что ты ни хрена не угадала.

3

Матвей

– Так темно, – хихикает моя спутница, наобум постукивая узкой ладонью по моему плечу. – У тебя же есть свет?

Я давно усвоил, что не все женские вопросы осмыслены и требуют ответа, поэтому просто пихаю локтем выключатель. Лампочка под потолком вспыхивает, освещая непритязательный интерьер моей съёмной квартиры: узкий коридор, застеленный светлым ламинатом, зеркальный шкаф-купе и тяжеловесный дубовый комод с бронзовыми ручками, который сюда даже с большой натяжкой не вписывается. Арендодатели явно перевезли его из квартиры какого-нибудь умершего родственника. Лично я бы предпочел его выбросить, но, возможно, он дорог им как память.

Остановившись посреди гостиной, Ира крутит головой по сторонам.

– А у тебя мило.

«Мило» – едва ли то слово, которым можно описать моё жилище. Когда два месяца назад я искал квартиру, то руководствовался по большей части той небольшой суммой денег, которую готов был за неё отдать, а не внешней привле-

кательностью. На сегодняшний день я не настолько стеснён в финансах, но перевозить вещи в другое место пока не настроен. Рано. Я всё ещё не уверен, что решу задержаться в компании Родинского.

– Хочешь чего-нибудь? – предлагаю скорее для проформы. – Кофе? Чай?

– А вино есть? – Гостья фокусируется на мне глазами и эффектно прикусывает губу.

Хорошенькая. Приятное лицо, соблазнительные формы. Я ещё в свой первый рабочий день заметил её обалденную задницу из-за стойки ресепшена. Хотя не заметить было сложно – Ирина всячески подчёркивает её облегающими юбками и брюками. Отчасти поэтому мы сегодня здесь. Потому что мне до жути хочется посмотреть, как она будет выглядеть без всего этого тряпья.

– Нет, только то, что я перечислил, – сообщаю без сожаления, начиная расстёгивать утомивший за вечер воротник рубашки.

Моя гостья переминается с ноги на ногу, снова оглядывается по сторонам.

– Ты давно один живёшь? Где твои родители?

Ясно. Нужна видимость эмоциональной прелюдии. Поэтому Ирина спросила про вино и задала этот неуместный вопрос. И хотя мы оба знаем, ради чего она поехала со мной после корпоратива, отсутствие предварительного общения предположительно сделает её в моих глазах слишком до-

ступной. Полная чушь.

Но я, конечно, милосердно подыгрываю. В конце концов, она моя гостья и я могу пару часов побыть джентльменом.

– Мой отец ушёл от матери, когда мне было два. Она повторно вышла замуж, родила и переехала в другой город.

Аккуратные брови Ирины съезжаются к переносице сочувственном домиком, губы смешно вытягиваются.

– Бе-едный. Ты, получается, остался совсем один?

Девушкам нравится жалеть парней – это я тоже успел заметить. Они просто обожают нарыть невесёлых фактов из их биографии, додумать трагичных деталей и потом лелеять несуществующий образ, оправдывая каждый новый косяк душевными травмами. Но если так им приятнее заниматься со мной сексом – я совсем не против.

– Да, – подтверждаю, скидывая рубашку в кресло. – Совсем один.

Кажется, Ирина решила, что после этой фразы между нами возникла достаточная духовная связь, и теперь можно без ущерба для её женской гордости перейти к связи физической. Потому что она наконец начинает идти ко мне.

– Скажешь, сколько тебе лет? – спрашивает она, понизив голос до идеальной интимной тональности, и берётся за пуговицу своей кружевной блузки. – В офисе разные слухи ходят, но точно никто не знает.

Я смотрю, как она, покачивая бёдрами, приближается, и как в распадающемся декольте оголяется полная грудь, стис-

нутая полупрозрачным лифчиком. Я уже говорил, что люблю трахаться? Так вот, очень люблю. Женское тело является объектом моего восхищения лет с пятнадцати. Шея, изгибы бёдер, талии, всевозможные выпуклости… Я, убей, не понимаю геев. У мужиков такой красоты нет и в помине.

– Мне двадцать два, – говорю, когда заострившиеся соски Иры утыкаются мне в грудь.

Встав на цыпочки, она тянется ко мне губами, а я наконец кладу ладони ей на задницу. Кровь до отказа заполняет пах. Истинный кайф. Упругие, округлые… идеальные.

– Я думала, ты старше, – шепчет она, пробегаясь ногтями по моим плечам. – Мне двадцать семь. Чувствую себя старой.

Я помогаю ей избавиться от провокационной юбки и начинаю двигаться назад. Язык Иры мягко орудует у меня во рту, и я снова ей подыгрываю: имитирую страстный поцелуй. Я люблю секс, но не люблю целоваться. Странно будет сказать, что поцелуй для меня – это слишком интимно?

Спустя пару секунд голени упираются в кресло, давая сигнал, что я достиг своей цели. Слегка придерживая плечи Ирины, я сажусь. Она всё понимает без слов: грациозно упирается ладонями в подлокотник и по очереди опускает колени на пол.

Мне даже делать ничего не приходится: она сама расстёгивает ширинку на дорогущих брюках – единственная деталь, которую верно подметила Стелла, – и залезает ладонью

в трусы.

– Такой большой, – не без доли умилительного благоговения шепчет она, поднимая на меня глаза.

Запрокидываю голову и с шумом выдыхаю – Ира начинает мне дрочить.

– Скажи, как ты хочешь?

Дав себе пару секунд для того, чтобы кайфануть, я подаюсь вперёд и глажу идеально ровный позвоночник до тонюсенькой полоски белья, делящей её великолепные ягодицы пополам. Эстетический кайф. Подцепляю ткань указательным пальцем и слегка тяну на себя, отчего Ирина, изогнув спину, протяжно стонет.

– Вот так, малыш. – Возбуждение забивает горло, заставляя слегка охрипнуть. – Хочу видеть твою задницу. Прогнись посильнее и начинай сосать.

4

Стелла

Защёлкнув колпачок мицеллярной воды, я выбрасываю потемневший от туши ватный диск в урну и принимаюсь за ночной крем. Наношу похлопывающими движениями по массажным линиям, сверху вниз. Именно так рекомендуют косметологи. Морщин у меня, к счастью, пока нет, но после тридцати будет не лишним прислушаться к советам профессионалов. Кто знает, вдруг эти нехитрые манипуляции действительно помогут продлить молодость кожи? Два пшика термальной воды в завершение ухода – и можно вставать. А вернее, ложиться.

– По-моему, празднование прошло хорошо, – замечаю я, откидывая одеяло.

Рома, всё это время разглядывающий экран своего телефона, мельком смотрит на меня с соседней подушки.

– Тебе понравилось? – спрашивает так, между делом.

– Еда была отличная. Кажется, твои сотрудники остались довольны.

– Может быть. Удивить их в любом случае несложно. Большинство из них не способны отличить утиный паштет

от фуа-гра.

Я не обманывалась относительно человека, за которого выходила замуж, но почему-то в последнее время высокомерие мужа по отношению к каждому, чья сумма на банковском счёте хотя бы отдалённо не приближена к сумме на его собственном, начинает меня раздражать.

– Тогда, может, стоило выбрать заведение попроще «Рауля»? – ехидничаю я. – Если ты знал, что твой выбор всё равно по достоинству не оценят.

– Странно слышать это от человека, работавшего в международной компании, – сухо роняет муж, не отрывая взгляд от экрана своего телефона. – Ты как никто должна понимать, что означает деловая репутация.

– Я как раз таки всё понимаю. Ты устроил этот праздник для себя и для прессы. Именно поэтому не вижу смысла сетовать на недостаточные дегустационные навыки подчинённых.

– И с каких пор ты стала такой язвительной?

– Считаешь, я язвлю? Вовсе нет.

Не дожидаясь ответа, я щёлкаю выключателем прикроватного торшера. После всего, что произошло за последние месяцы, наши отношения с мужем объяснимо ухудшились. До скандалов, конечно, не доходит, но вот такие словесные перепалки случаются едва ли не каждый день. Моя собственная незанятость и постоянная загруженность Романа тоже играют в этом не последнюю роль. Мы с ним никогда не бы-

ли лучшими друзьями, – слишком для этого разные, – но в остальном неплохо друг друга понимали. Может быть, стоит подумать о совместном отдыхе? Организовать нам обоим перезапуск?

Экран телефона наконец гаснет, и в спальне становится совсем темно.

– Тебе самой праздник как? – звучит примирительно. – Пообщалась?

– Немного. – Мысленно перебираю в голове вереницу лиц, встретившихся мне за вечер, их улыбки и ничего не значащие разговоры. – Я столько в офисе не появлялась. Тем общих ни с кем не осталось.

Повернувшись на бок, я прижимаюсь щекой к груди мужа:

– Ром, я хочу на работу вернуться. А то я в последнее время как выставочная болонка: то сплю, то по клиникам и салонам мотаюсь.

– Другие жёны тоже мотаются, и ничего. В спортзал запишись, картины рисуй, или чем там все остальные занимаются? За деньги развлечений много можно найти.

Терпеливо глотаю это пренебрежительное предложение, не желая снова ссориться. Мы с Романом женаты шесть лет, и лишь полгода из них я не работаю. Неужели нескольких месяцев достаточно, чтобы списать меня как безмозглый хлам?

– Если ты считаешь, что работа – это всегда необходимость зарабатывать деньги, то ошибаешься. Не нужно приравнивать меня к безделушке. Если не хочешь возвращать

мне место в твоём офисе, я буду искать подходящие вакансии сама.

– Упрямая ты всё-таки. – Ладонь мужа треплет моё плечо и спускается на поясницу. – Ладно. В понедельник поедешь вместе со мной в офис и там подумаем, что и как.

Не успев получить удовлетворение от этих слов, я вытягиваюсь как струна, потому что рука Ромы собственнически проталкивается под резинку моих пижамных штанов.

– Давай-ка, Стелла. – Он нетерпеливым движением подталкивает меня вверх. – Поскачи на мне немного.

Непроизвольно морщусь, когда его суховатая ладонь гладит мою грудь под топом. Куда всё ушло? Раньше мне нравился наш секс. Сейчас же я не испытываю ничего, кроме фантомного напряжения в животе и неуютного стеснения. Я бы с гораздо большим удовольствием осталась обнимать подушку вместо нескольких минут бездушных фрикций.

Минут десять спустя Рома, отвернувшись, спит. В связи с последними событиями врач выписала мне трёхмесячный курс контрацептивов, так что теперь муж свободно кончает в меня.

Перебросив через плечо пижамные штаны, я вылезаю из кровати и иду в душ. До понедельника осталось два дня. Нисколько не сомневаюсь, что слова «решим, что и как» означают согласие. Но даже если нет, у меня найдутся и другие рычаги влияния на Романа. Торчать дома и разыгрывать безмозглую жену олигарха (предел мечтания которой – открыть

салон красоты, чтобы самой же ходить в него на массажи) мне надоело, как и оплакивать свою слабую фертильность. Хочу вернуться на работу. Просыпаться по будильнику, стоять в утренних пробках, потягивая кофе, раздражаться, радоваться, уставать…

С этими оптимистичными мыслями, я возвращаюсь в постель и обнимаю подушку. С понедельника я снова стану собой. И тому наглому сопляку с террасы лучше не попадаться мне на совещаниях.

5

Стелла

– Стелла Андреевна. – Лицо Алисы, главного юриста «Родинский и партнёры», расцветает в неестественно широкой улыбке. – А вы… Снова к нам?

Она никогда мне не нравилась: ни её фальшивый оскал, ни силиконовая грудь. Дело, конечно, не в них, а в том, что я отлично осведомлена о её желании обосноваться в койке моего мужа. Взгляды, что она мечет в Романа на совещании, и нарочитые жесты выдают в ней оголодавшую хищницу, которую ничуть не смущает моё присутствие. Тридцать восемь, разведена, детей нет. Чем не повод отбросить принципиальность?

– Снова к вам, – без улыбки отвечаю я, делая акцент на последнем слове. – Приятно, что скучали.

Не затрудняя себя дальнейшим общением с ней, разворачиваюсь к своему кабинету. Тело переполняет бодрость. Даже встреча с сукой Елисеевой приносит удовлетворение. Как же мне всего этого не хватало: тесной офисной юбки, трущейся о бёдра, дребезжания офисной техники, снующих туда-сюда людей. До того, как занять кресло в «Родинский и

партнёры», я работала в крупной международной компании, и лишь спустя год после свадьбы Роман уговорил перейти к нему. Убедил, что хочет меня не как жену, которую необходимо держать под боком, а как ценного специалиста. В итоге решил сделать из меня комнатную собачку, смысл существования которой – знать хозяйские команды и иметь блестящую шерсть.

Мой кабинет, к счастью, ничуть не изменился: тот же неправильной формы стол, специально заказанный под меня, кремовое кресло с массажной подушкой, на которой так приятно расслабиться в обеденный перерыв, и тот же стеллаж с цветными корешками книг, которые я собирала годами. Люблю толковую развивающую литературу. Мотивирует и вдохновляет.

Как следует оглядевшись, я иду к окну поднять жалюзи, чтобы позволить приветливому утреннему солнцу оживить заскучавшие стены. Так всегда начиналось моё рабочее утро – с минутной медитации перед ликом пробудившейся столицы. Взгляд падает на белый горшок, стоящий на подоконнике. Кое-что здесь всё-таки изменилось. Мой крошка-спатифиллум, именуемый женским счастьем, превратился в скорчившийся бурый скелет. Я тычу ногтем в высохшую землю и смиренно вздыхаю. Бесполезно. Его уже не воскресить.

– А я знала, что ты рано или поздно появишься, – весело звучит позади.

Стряхнув с пальцев серую пыль, я оборачиваюсь. Из две-

рей кабинета на меня смотрит улыбающееся лицо сотрудницы отдела кадров. Вера. Обожаемый мной человек, с которой мы немного потерялись из-за её декретного отпуска и моей личной трагедии.

– Поняла, что ежедневные спа и обеды в ресторанах не моё, – коснувшись губами её щеки, посмеиваюсь я. – Как ты?

– Вертимся понемногу, – в своей рабоче-крестьянской манере отмахивается Вера. – Я только «здрасте» забежала сказать. А то Роман Анатольевич заметит, что я мужские причиндалы за его казенные харчи пинаю, и выгонит с треском. Потом же поболтаем, да?

Я уверяю, что обязательно поболтаем, и после того, как она уходит, набираю Романа. После приезда в офис он сразу же заперся у себя в кабинете, и толком обсудить будущие нюансы работы у нас не получилось. Я по большому счёту всё здесь помню и знаю, осталось только понять, с кем придётся непосредственно контактировать. С момента моего затянувшегося отпуска в команде несколько человек сменилось.

– Ром, ты освободился? Я у себя в кабинете. Жду.

– Нет, я уехал, – нетерпеливо звучит в динамике. – Иди в зал совещаний. Я сейчас туда человека приглашу, с которым тебе нужно будет согласовывать финансирование и основные этапы проектов.

Такая спонтанная смена планов у мужа для меня не в новинку, поэтому, не усложняя разговор дальнейшими расспросами, я вешаю трубку и поднимаюсь. Что значит «согла-

совывать»? Раньше моя должность позволяла регулировать все вопросы напрямую с самим Романом.

На ходу приветствуя знакомые лица, иду по коридору, попутно прокручивая в голове будущие дела на день. Неплохо будет обновить моноблок, а ещё заказать канцтовары. Не хочу начинать новую рабочую веху со старыми вещами.

Толкаю нужную дверь и тут же останавливаюсь как вкопанная. Выгоревшая чёлка, упрямо очерченный рот, длинные кисти, сложенные на столе, и изучающий взгляд. Какого?.. Передо мной сидит тот курящий сопляк с корпоратива.

– Стелла, – без улыбки произносит он, свободно ощупывая моё тело глазами. – Приятно снова тебя увидеть.

Поза и взгляд, которым он на меня смотрит, – будто я новоприбывшая стажёрка на собеседовании, – вызывают острое желание ему нагрубить, а лучше – выставить за дверь. «Какого хрена ты тут забыл? – хочется рявкнуть мне. – И кто дал тебе право так меня разглядывать?» Непонимание и раздражение – вот что я чувствую. Ненавижу быть застигнутой врасплох.

– Ты кабинетом не ошибся, Матвей? – холодно уточняю, опуская на стол заготовленный блокнот. – У меня здесь встреча.

– Надо же. Ты запомнила, как меня зовут. – Сопляк смотрит мне на грудь и только потом в глаза. – Это очень приятно. Нет, я не ошибся, Стелла. У тебя встреча со мной.

– Мне необходимо с тобой обсуждать свои будущие про-

екты? – переспрашиваю я, растерявшись. Слишком уж уверенно и расслабленно звучит его голос для того, кто пытается врать или шутить.

Собеседник изучающе ощупывает моё лицо и, склонив голову набок, щурится.

– А твой муж тебе не сказал? Я занимаюсь инвестиционным прогнозированием. Соответственно, решаю, будет компании выгоден твой проект или нет.

Я лишаюсь дара речи. Они что, серьёзно? Да Роман из ума выжил, если доверяет распределение собственных средств юнцу вроде него! «Родинский и партнёры» инвестирует десятки миллионов ежемесячно, а этот парень только вчера университет окончил.

– Присядешь? – Сопляк встаёт и выдвигает для меня кресло. – Ты ведь, наверное, хотела обсудить детали нашей совместной работы?

Мне хочется сжать переносицу и помотать головой. Бредятина, на хрен. Совместной работы? С кем? С тем, кому по возрасту полагается до беспамятства накидываться в клубах и зависать в «Макдональдсе» с милкшейками?

– Для начала я хочу поговорить со своим мужем. – Забираю со стола блокнот, проклиная себя и заодно Рому за то, что выставил меня такой идиоткой. – Потому что у меня есть большие сомнения в том, что к твоему мнению стоит прислушиваться.

– Ну да.

Саркастично улыбнувшись, парень выпускает из рук спинку кресла, которое выдвинул для меня, и отшагивает назад. В карих глазах отчётливо проступает лёд.

– Ты ведь считаешь меня чьим-то блатным сынком, протирающим здесь брюки.

Чтобы не вступать в бесполезную полемику, я разворачиваюсь и выхожу из зала совещаний. От злости и негодования подрагивают руки. Что вообще происходит? «Я решаю, выгоден компании проект или нет», – с издевкой повторяю, шарахая дверью своего кабинета. Это больше похоже на розыгрыш. Может быть, это он и есть? Так Рома хочет вынудить меня сидеть дома?

– Что это было? – цежу я в трубку, когда слышу голос мужа. – Да мне домашнее задание с ним в пору проверять!

Надтреснутый смех Ромы заставляет кровь прилить к лицу.

– Я знал, что ты так и отреагируешь.

– То есть это розыгрыш такой? В компании появилась новая традиция? Боевое крещение новобранцев?

– Ты меня за кого держишь, Стелла? Данилов мой ведущий сотрудник. Я потом тебе про него расскажу.

Я прикрываю глаза, пытаясь обуздать поднявшийся гнев. Иногда кажется, что муж мне за что-то мстит, ну или ему как минимум доставляет удовольствие надо мной потешаться. Что ему стоило предупредить меня обо всём заранее? Он прекрасно знал, какой может быть моя реакция. Какому спе-

циалисту со степенью MBA понравится быть на побегушках у двадцатилетнего выскочки?

– Нет уж, Ром, – твёрдо чеканю я. – Расскажи о нём сейчас.

– В двух словах, – великодушно отвечает он. – Я его у Оленичева переманил. Пацан своего рода инвестиционный вундеркинд. В цифрах и прогнозах шарит лучше любого опытного экономиста. Сам бы не поверил, если бы не имел возможности убедиться. Уж не знаю, какой процессор встроен ему в башку, но пока он приносит мне такие деньги, Данилов меня устраивает.

Значит, вот почему парень отреагировал так на террасе и сейчас. Не понравилось, что я назвала его чьим-то сынком, принятым по знакомству. Вундеркинд? А с виду совсем не скажешь. Гениев я представляла с засаленными волосами и в толстых роговых очках.

– Сколько ему лет, ради Бога, Ром?

– Двадцать два или двадцать три, я уж и не помню. У подружки своей, Веры, можешь спросить, она поточнее скажет. Даже университет не закончил, представляешь? – Судя по редкой весёлости тона, муж явно в восторге от своей авантюры. – Если я глаза на его возраст закрыл, тебе точно придётся. Всё, иди работай. А если что-то не устраивает, всегда можешь домой вернуться и стать, наконец, примерной женой.

Трубку я вешаю, плотно сжав зубы. Не могу до конца понять своей реакции. Финансированию проекта всегда требовалось одобрение, и это воспринималось нормально. Так

что изменилось сейчас? У Романа есть недостатки, но ветреность и кретинизм к ним не относятся. Если этот парень действительно так хорош, как он говорит, – какая мне разница?

Пытаясь свыкнуться с этой мыслью, снова смотрю на дверь. Я ведь не собираюсь возвращаться домой, так же как не планирую осуществлять в компании переворот с увольнениями новых сотрудников. Двадцать два ему или двадцать три – наплевать. Я пришла сюда работать.

6

Матвей

Я смотрю на захлопнувшуюся дверь, чувствуя себя полным идиотом. И что мне теперь делать? Вернуться к себе или подождать?

Никак не могу понять, на кого злюсь больше: на стерву Стеллу, которая уже во второй раз ведёт себя так, будто я не достоин дышать с ней одним воздухом, или на её мудака-мужа, не удосужившегося ввести свою жену в курс дела. Не люблю становиться свидетелем чужого унижения, а Стелла выглядела именно такой: растерянной и униженной. Правда моментально реабилитировалась, попытавшись в ответ унизить меня. Аплодисменты ей. Это существенно снизило градус моего сочувствия.

Может, просто встать к херам и уйти? В смысле насовсем. Я не держусь за эту должность. Пока никак не получается прикипеть к материальным благам, дарованным Родинским, как и почувствовать принципиальную разницу между дешёвыми джинсами и брюками за двадцать косарей, предписанными местным дресс-кодом. Возможно, причина такого свободомыслия – пришедшее понимание, что с моим «даром»,

как тут принято называть банальную арифметику и интерес к мировым новостям, я не останусь на улице. Для местных бизнес-воротил я вроде того осьминога-оракула, предсказывающего результаты спортивного чемпионата. Каждый жаждет заполучить меня в свой бриллиантовый аквариум.

Со стуком открывшейся двери я вскидываю глаза. Она снова заходит в кабинет. Лицо спокойное, взгляд сосредоточенный. В руке всё тот же блокнот. Что она записывать собралась? Моё имя? Она его, к счастью, и без того запомнила.

– Рад, что ты вернулась, – говорю абсолютно искренне и встаю, чтобы повторно выдвинуть для неё кресло.

Джентльменских манер во мне – кот наплакал. Просто она принадлежит к такому типу женщин, в присутствии которых любой испытает потребность это сделать.

Стелла не пытается возражать и с достоинством занимает предложенное место. Оказывается совсем близко от меня, так что я имею возможность убедиться: с духами она действительно не налажала. Этот аромат – не тяжёлый и не лёгкий – ей очень идёт.

Занимаю кресло напротив и снова на неё смотрю. Она тоже смотрит. Холодно и собранно. Сегодня на ней почти нет макияжа, ну или, по крайней мере, он максимально естественный. Стелле не о чем беспокоиться – она совсем не выглядит на свой возраст. В прошлый раз её выдали глаза. За прозрачной голубой радужкой просвечивает опыт, присыпанный пылью разочарования. Ни у одной моей сверстни-

цы такого взгляда нет.

– Расскажешь о себе? – её голос звучит сухо и по-деловому. Сейчас сложно представить, что когда-то она могла курить из моих рук. – Раз уж я ошиблась с причинами твоего появления в компании.

У неё длинная шея, и, пока она говорит, заметно, как натягивается тонкая голубоватая вена. Я слежу за её ртом, и когда она замолкает, перевожу взгляд на кисти. Пальцы длинные, тонкие. Я бы даже сказал, аристократические. Никакого раздражающего перебора с украшениями. Только обручальное кольцо.

– Ну так как? – нетерпеливо повторяет она. – Расскажешь?

– Мне двадцать два, если ты ещё не знаешь. Высшего образования нет.

– Ты не закончил учиться?

– Я и не начинал. Так уж вышло.

– Почему? – Стелла явно не собирается легко даровать мне шанс на доверие.

– Я уже работаю у вас, так что едва ли имеет смысл допытываться о причинах. Но если я тебе настолько интересен, – добавляю, не сумев отказать себе в удовольствии увидеть яркие вспышки в её глазах, – могу удовлетворить твоё любопытство. Причиной тому – пьющая мать, за которой нужно было приглядывать.

Ни толики сочувствия во взгляде, ни намёка на любопытство. Мои очередные аплодисменты. Я не иронизирую. Со-

чувствие меня до глубины души бесит.

– Поясни вкратце. Каковы твои функции в компании?

– Занимаюсь краткосрочным и среднесрочным прогнозированием инвестиционных потоков, – со вздохом выговариваю впечатляющий набор слов. – За долгосрочные пока не берусь принципиально. Также занимаюсь оценкой эффективности вложений, и именно поэтому мы с тобой будем часто пересекаться. У тебя красивые пальцы. Если честно, они меня немного отвлекают.

Мой комплимент достигает цели: застывшее выражение слетает с лица Стеллы, заменяясь вопросительным:

– Последнее к чему было сказано?

Пожав плечами, я наконец откидываюсь на спинку кресла.

– Просто захотелось.

– Напомню, что мы с тобой не в курилке на корпоративе, а в зале для совещаний, обсуждаем рабочие вопросы. Но даже если бы очутились на улице – комплименты любой части моего тела будут лишними. Мы коллеги, и я замужем.

– Ещё у тебя красивые грудь и глаза, – продолжаю я, намеренно помечая их взглядом. – Говорю для того, чтобы ты оценила, насколько деликатным я пытался быть. Каюсь, я не слишком разбираюсь в кодексе брачных отношений – как ты правильно заметила, ещё слишком молод для этого. Так что в силу возраста оставлю за собой право наплевать на твой замужний статус, когда мне захочется сказать тебе что-нибудь приятное.

– Ты зарываешься, Матвей, – льдом приколачивает меня к полу.

– Я всю жизнь это слышу.

– Не пытайся обращаться со мной, как с одной из своих сверстниц, которые пищат от твоей упёртой развязности, – упрямо продолжает она, испепеляя меня взглядом. – У женщин моего возраста это не вызывает ничего, кроме раздражения. Мы с тобой не на свидании из Тиндера, где тебе за пять минут нужно наговорить столько, чтобы через час непременно залезть ко мне в трусы на заднем сиденье своей машины.

Я ею любуюсь. Несмотря на всю ядовитую холодность тона, в её глазах полыхает самый настоящий пожар.

– У меня нет машины. Есть только съёмная квартира. Здесь, неподалёку.

– Идиот, – зло цедит она, резко поднимаясь из кресла.

«Сучка», – раздражённо думаю я, глядя, как её спина, обтянутая полупрозрачной бежевой рубашкой, скрывается в зазоре двери. Опускаю глаза себе на брюки и поправляю оттопыренную ширинку. Всё-таки зря она упомянула свои трусы.

7

Стелла

– Зайди ко мне, Стелла, – голос мужа звучит отстранённо, без малейшего намёка на то, что нас связывает что-то ещё, помимо работы.

Пожалуй, это нормально для полноценного трудового процесса, – субординация и прочее – но такое отношение отчего-то ранит. Можно сказать то же самое, но другим тоном. Это всё-таки мой первый рабочий день после перерыва. Хотя о чём я? Роман хочет видеть меня дома и, конечно, не будет пытаться облегчить мне задачу вливания.

Сворачиваю рабочую программу и встаю. Мне нужно помнить, что я здесь ради себя и напоминания о собственной значимости. Если бы я пошла работать в стороннюю компанию, едва ли мне приходилось бы ждать особого отношения.

При виде меня Ирина встаёт из-за стойки и застывает с приклеенной к губам улыбкой.

– Роман Анатольевич у себя, Стелла Андреевна.

– Я знаю. Спасибо.

Приятно, что хотя бы кто-то в этом офисе всё ещё воспринимает меня серьёзно.

Постучавшись для соблюдения формальности, захожу в кабинет мужа. Роман сидит в своём кресле и, что совсем неудивительно, разговаривает по телефону. Завидев меня, делает скупой жест рукой, предлагая проходить. Как будто я собиралась топтаться на пороге.

Присаживаюсь в кресло и, краем уха слушая о новом строительстве в Перми, разглядываю мужа. Посеребрённые сединой виски, гладко выбритый упрямый подбородок, несколько грубых морщин на лбу и глаза цвета промёрзшего асфальта. Раньше мне нравилось называть их стальными, но сейчас этот эпитет почему-то не ложится.

Помню, когда я впервые его увидела, Рома показался мне самым красивым мужчиной на свете. Он подошёл ко мне на корпоративном банкете – высоченный, в идеально сидящем костюме. Предложил попробовать какой-то эксклюзивный шотландский виски, произведённый в количестве десяти бутылок. Я им потом долго кашляла, так что Роме пришлось срочно раздобыть воды.

В этому году мужу исполняется сорок пять. Моложе своих лет он не выглядит – выглядит даже немного старше, несмотря на полное отсутствие лишнего веса. Возраст, к слову, его ничуть не портит, а напротив, делает более эффектным и импозантным. Может, нужно было повременить с выходом на работу и организовать нам отпуск?

– Ну что? – голос, обращённый ко мне, отрывает от созерцания и заставляет поднять глаза. – Как твой первый рабо-

чий день?

Можно рассказать Роману о комплиментах от Сопляка, как я про себя окрестила Матвея. Посмотреть на его реакцию и заодно заставить усомниться в профпригодности двадцатилетнего парня. Но я заранее знаю, что не скажу, потому что выберет Роман не меня. Почему я так думаю? Сама не знаю. Наверное, потому что вера в наши отношения сильно пошатнулась.

– В порядке. Заново обжилась в кабинете и познакомилась с новым персоналом.

– С гением цифр встретилась? Как он тебе?

– Мне никак. Главное, чтобы тебе нравился.

– Мне он нравится. Пока, – в тоне Романа отчётливо проступает снисхождение. – Офисной жизнью пока не отёсанный, но со временем привыкнет.

Мысленно я усмехаюсь. Он сильно заблуждается, если ждёт, что Сопляк в скором времени начнёт перед ним лебезить. Помимо природной наглости, Матвей ещё прекрасно понимает, что есть множество компаний, где его с руками и ногами оторвут.

– Сколько ты ему платишь?

– И это ещё одна из причин, почему он мне нравится. – Тонкий рот мужа кривится в подобии веселья. – Ты же суммы, которые я Асланяну перечислял, помнишь? Так вот, этому я плачу треть, и он весь день у меня под боком.

– Существенная экономия, – сухо замечаю я, чувствуя,

как снова начинаю раздражаться. О причинах предпочитаю не думать и потому сразу перевожу тему: – Ты домой сегодня во сколько поедешь?

– Поезжай без меня. Мне ещё с Алисой надо будет кое-что обсудить.

– С Алисой? – едко переспрашиваю я. – Даже не с Елисеевой?

– Что за намёки, Стелла? Захотел бы на стороне трахаться – нашёл бы кого-нибудь помоложе.

– Спасибо, что сообщил. Буду знать, что отвечать тебе в похожих ситуациях.

– Ты с таким юмором бы была поосторожнее. – Серые глаза мужа предупредительно вспыхивают. – Знаешь же, что у меня на плохие шутки аллергия.

– То же самое могу сказать тебе. Твой разбухающий банковский счёт не удержит меня от развода в случае измены.

– Что ты несёшь, Стелла? – Роман брезгливо морщится, словно я сказала какую-то глупость. – Поезжай давай домой. Буду около девяти.

В лёгких першит от обиды. Даже не обиды. Пустоты какой-то и непроходимой тоски. На замечание о Елисеевой у мужа даже мысли не возникает меня успокоить, и возможную измену мы обсуждаем вот так – словно главной составляющей нашего брака стала потребность непременно одержать верх друг над другом и побольнее уколоть. Да скажи Рома мне банальное: «Дурочка, мне никто, кроме тебя, не

нужен» – и я поеду домой с дурацкой улыбкой на губах.

А вместо этого выхожу из его кабинета с противным дребезжанием в груди и со стойким желанием пропустить один-другой бокал вина. Вспоминаю Веру. Она ведь хотела поболтать со мной. Нужно её найти.

Сворачиваю за угол и моментально натыкаюсь на знакомую фигуру в белой рубашке. Сопляк оборачивается и меряет меня изучающим взглядом. Сейчас даже на это наплевать. Не разглядел мои ноги? Стесняться мне нечего. Пусть смотрит.

Ира, торчащая из-за стойки, при виде меня густо краснеет и быстро опускается вниз. Мне хочется закатить глаза. Теперь резко сократившаяся длина её юбки стала объяснимой. Секретарша Романа запала на Сопляка.

– Собираешься домой, Стелла? – догоняет меня голос Матвея, когда я иду по коридору.

– А ты хотел предложить подвезти меня на своей несуществующей машине?

От досады на себя даже глаза прикрываю. Ну к чему весь этот неместный сарказм? Парень ведь просто спросил, собираюсь ли я домой. И для чего этот укол про машину? Ему двадцать два, родом из не самой благополучной семьи. С его талантами ещё успеет обзавестись дюжиной дорогих тачек.

Сбавляю шаг и оборачиваюсь. Моя злость на мужа не должна литься на окружающих людей. Я умею признавать свои ошибки.

Матвей тоже останавливается и вопросительно изгибает бровь. Никак не пойму, какой у него настоящий цвет волос: золотисто-русый или всё-таки темнее.

– Извини, ладно? В связи с первым рабочим днём я немного заведена.

– Извинения приняты. – Его ярко-очерченный рот дёргается в улыбке. – Надеюсь, в ответ ты не ждёшь, что я начну извиняться за сказанное в зале совещаний. Я-то был спокоен и говорил вполне серьёзно.

– В любом случае ты прекратишь это делать. Завтра нам нужно будет собраться для обсуждения текущих дел.

Он снова бесцеремонно шарит глазами по моему лицу и шее.

– У тебя или у меня?

– В моём кабинете, – твёрдо произношу я, не желая поддерживать эту игру в двусмысленность.

– Тебя проводить?

– Что?

– Твоя машина, – терпеливо поясняет Сопляк. – Она ведь на подземной парковке? Я могу тебя проводить.

– Нет, не нужно, – бормочу я и отворачиваюсь, чтобы продолжить путь в свой кабинет. – До завтра.

8

Роман возвращается домой, когда на экране телевизора крутится второй по счёту фильм. Застыв, я вслушиваюсь в звуки, раздающиеся в прихожей: стук сбрасываемой обуви, шорох опустившегося на комод портфеля, который муж постоянно таскает с собой. Я не иду его встречать. Больше нет. Это раньше неслась, да так, что ступни едва касались пола. Не терпелось вдохнуть его запах, заглянуть в глаза, чтобы узнать, как он. Спокоен ли, раздражён или просто устал?

Всё это у нас было: трепет от домашних встреч, объятия, приветственные поцелуи. Как мы вообще докатились до того, что имеем сейчас?

– Кино смотришь, – его ровный голос из дверей гостиной констатирует очевидное. – Что за фильм?

Этот неожиданный вопрос заставляет меня повернуть голову и моментально вздрогнуть. В руках Романа зажат букет. Пожалуй, слишком большой и помпезный для простых извинений, но разве это имеет сейчас значение? Я ведь простая женщина, и у меня есть те же слабости, что и у других. Сердце ёкает, и колени пружинят, поднимая меня с дивана. Этот букет – наивная надежда на то, что с этой самой секунды время повернёт вспять и мы с ним снова станем прежними. Без накопленных обид, непонимания, равнодушия, язвительности и горечи. Кажется, будто цветы – это тот самый

знак.

– Мне? – Я смотрю на атласные розовые лепестки, а потом мужу в глаза.

– Ну а кому ещё. – Его голос теплеет: – Надо же одному из нас сделать первый шаг.

– Спасибо. – Прижимаю букет к себе, ощущая забытый трепет на кончиках пальцев. Хочется что-то сделать, сказать, спросить. – Ужинать будешь?

Рома развязывает галстук и привычным движением сбрасывает его в кресло.

– Нет. Поел. Серпухов позвонил по дороге. С ним в «Рауле» пересеклись.

Ароматная тяжесть в моих руках не позволяет задать резонный вопрос: «Какого хрена?» Отвернувшись, я иду на кухню разыскивать вазу побольше. В нашем доме давно не было цветов.

– Завтра на работу выходить не передумала?

– А должна? – спрашиваю как можно мягче.

– На всякий случай решил спросить. В конце недели «ТрансТех» конференцию в Минске организует. Мне списки нужно утвердить. Поедешь?

– Почему нет. – Я небрежно пожимаю плечами, хотя внутри уже вовсю искрит предвкушение.

Самолёт, такси, вереница новых лиц, фуршет, гостиничные номера… Это как раз то, чего я хотела. Новые впечатления, смена декораций. Да, да, да.

– Ладно, – Рома откупоривает бутылку с минералкой и делает глоток. – Завтра подпишу. Спать идешь?

– А ты сам полетишь? – спохватившись, уточняю я.

– Нет. – Шумно отфыркнувшись, он возвращает воду на стол и начинает расстёгивать рубашку. – Всего четыре человека полетит вместе с тобой. Времени нет, да и места ограничены.

– А кто ещё?

– Кудосов, Марьина и твой фаворит Данилов. – Глаза Ромы начинают весело поблёскивать. – Невзлюбила ты его, да? Ладно, потерпишь. Пиздюк – ну и хер с ним. Пусть образовывается.

На деле я совершенно не расстроилась, а спросила просто из любопытства. Какая мне разница, кто полетит. В экономе мне с ним не сидеть, да и в один номер нас не заселят.

Мы с мужем поднимаемся в спальню на второй этаж, раздеваемся и ложимся. Рома по привычке утыкается в телефон, но принесённый им букет заставляет меня это проглотить.

– У тебя новый одеколон? – Придвигаюсь к нему вплотную и касаюсь губами плеча. – Или это от того, который я тебе дарила, остаётся такой шлейф?

– Знаешь же, что я в запахах не разбираюсь, – рассеянно звучит в ответ. – Это твой.

Я, конечно, узнаю свой подарок, просто мне нужно было что-то спросить. Прижимаюсь к мужу крепче, скольжу ладо-

нью по его животу.

Тяжёлый вздох.

– Стелла, давай не сейчас. Устал, хочу спать.

Я жмурю глаза. Твою мать, как же обидно. Устал – так усни, что ли, а не пяться тогда в телефон. Мне и так сложно проявлять инициативу. Каждый раз как через себя переступаешь… Потому что уже не помнишь… Не веришь в себя как женщину. Сексуальность, раскованность, авантюра… Нет, мы о таком давно не слышали. Букет – это ни хрена не знак.

– Ладно. – Я отдёргиваю руку и откатываюсь на свою половину кровати.

Подушка жжёт щёку холодом, собирая по телу ледяные мурашки. Я подбираю ноги и обнимаю себя руками в попытке согреться.

– Не обижайся, котёнок. Действительно спать хочу.

Я глубоко вдыхаю. Конец недели. Самолёт. Минск. Новые эмоции. Новые впечатления. Наплевать.

9

– Ира, передашь это Роману Анатольевичу, когда он вернётся. – Я кладу стопку документов на стойку ресепшена, не без раздражения чувствуя на себе внимание Сопляка, стоящего неподалёку.

Вчера, когда я уходила, он тоже торчал здесь. Можно сделать ему замечание, что рабочее время не предназначено для флирта с секретаршей, но не хочется выглядеть желчной горгульей. Пусть Роман сам со своим вундеркиндом разбирается. К тому же Сопляк вполне может вообразить, что его комплименты в мой адрес возымели эффект, и теперь я воспринимаю его серьёзнее, чем просто недоразумение.

– Привет, Стелла. Как твоё настроение?

От этих слов, произнесённых им громко и со значением, глаза Ирины расширяются и начинают метаться между мной и Матвеем. Ох, ты серьёзно, что ли? Я незаметно возвожу взгляд к потолку. Она его ревнует. Ко мне.

– У меня всё в порядке. – Я отрываюсь от стойки и разворачиваюсь в сторону коридора. – Через пять минут будь у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.